

Дмитрий Колодан

Покупатель камней



Часть сборника
Жизнь чудовищ (сборник)



Дмитрий Геннадьевич Колодан

Покупатель камней

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170309

Предчувствие «шестой волны»: Амфора; Москва; 2007

ISBN 978-5-367-00579-0

Аннотация

«Весна на пороге зимы – особое время года. Апрель, беспощадный месяц, грохотал штормами, бился в гранит границы земли. Каждую ночь море нещадно набрасывалось на берег, оставляя вдоль тусклой полоски пляжа намёки на дни творения – медузу, рыбий хребет или панцири крабов; возвращало дары – обглоданные до блеска кости деревьев, кусок весла, бессильный обломок ржавой пружины, оснастки чужих мертвецов...»

Дмитрий Колодан

Покупатель камней

Весна на пороге зимы – особое время года. Апрель, беспощадный месяц, грохотал штормами, бился в гранит границы земли. Каждую ночь море нещадно набрасывалось на берег, оставляя вдоль тусклой полоски пляжа намёки на дни творения – медузу, рыбий хребет или панцири крабов; возвращало дары – обглоданные до блеска кости деревьев, кусок весла, бессильный обломок ржавой пружины, оснастки чужих мертвецов.

По утрам побережье окутывал туман. Его тугие щупальца, подхваченные бризом, скользили по краю воды, карабкались по камням к маяку, и дальше, к скалам. Во влажном воздухе бухта расплывалась, словно плохой фотоснимок. На пляже, среди островков жёсткой травы, жались друг к другу старые лодки, облепленные ракушками и плетями водорослей и похожие на гигантских трилобитов, явившихся из глубин сумрачного девонского моря. Порой в непрестанном мареве казалось, что они и вправду перебираются с места на место, и тогда я не мог с полной уверенностью сказать, что это всего лишь шутки тумана и воображения...

Дом у моря я снял ещё летом. Меня интересовала обитавшая неподалёку колония морских игуан – удивительных ящериц, которых Мелвилл не без оснований назвал «стран-

ной аномалией диковинной природы». «Популярная Наука» как раз заказала серию акварелей этих загадочных рептилий. Конечно, с лёгкостью можно было взять в качестве натуры фотографии и чучела из музея Естественной Истории, но я абсолютно убеждён – настоящий анималист не имеет права на подобные полумеры. Чтобы нарисовать животное, надо понять его характер, заглянуть ему в душу, а много ли можно увидеть в стеклянных глазах?

Игуаны, надо отдать им должное, по достоинству оценили моё рвение, и работать с ними оказалось настоящим удовольствием. Я ещё не встречал более внимательных натурщиц: они были готовы часами неподвижно лежать на окатываемых волнами камнях, игнорируя нахальных крабов, ползающих прямо по их спинам. К осени набралась внушительная подборка эскизов, однако меня не покидало ощущение незавершённости работы, и я продолжал лазать по скалам в поисках сюжета, который бы наилучшим образом закончил цикл. В итоге, поскользнувшись, я рассадил руку и надолго лишился возможности рисовать.

Этот досадный инцидент имел и другие, гораздо более неприятные последствия. Пустяковая, на первый взгляд, рана загноилась, рука распухла, и почти неделю я провёл в постели, в горячечном бреде. По ночам, когда ветер неустанно бился в оконные стёкла, я метался на влажных простынях, безуспешно пытаюсь уснуть. Несмолкаемый рокот прибое навевал странные видения панцирных рыб и гигантских

аммонитов – доисторических чудовищ, затаившихся в толще вод, и подозреваю, я был не далёк от истины. Видимо, уже тогда доктор Северин начал свои опыты.

Северина я знал давно, но знакомы мы не были. В кругах, что вращались вокруг Научной Академии, он был известен едва ли не каждому, в первую очередь из-за скандала с механическим кальмаром. Тогда, основываясь на последних достижениях механики и вивисекции, доктору удалось сделать почти невозможное – создать живое существо и, быть может, вплотную подойти к разгадке творения. Не спорю, он был талантливым учёным, гением, но его методы вызывали глубокое отвращение. Собаки и обезьянки, выпотрошенные без анестезии ради пары желёзок – это только полбеды. Я слышал от некоторых специалистов, что в создании кальмара использовались и человеческие органы. Кажется, именно тогда вивисекция была объявлена вне закона. По слухам, когда всё открылось, Северин бежал в Южную Африку, где в секретной лаборатории продолжил заниматься запрещёнными экспериментами. Признаться, я удивился, встретив его в посёлке.

Северин жил по соседству, в покосившемся особняке с выбитыми стёклами. На улицу доктор практически не выходил, и долгое время я был уверен, что дом необитаем, пока Густав Гаспар, смотритель маяка и поэт, не рассказал о хозяине. А спустя пару дней я и сам увидел Северина, прогуливавшегося на заднем дворе.

Несмотря на солнечный и тёплый день, доктор был одет в тяжёлый плащ из плотной прорезиненной ткани, застёгнутый на все пуговицы. Мне сложно объяснить, но было в Северине что-то отталкивающее, из-за чего при встрече с ним хотелось перейти на противоположную сторону улицы. Что-то, что лишь подчёркивалось асимметричными чертами лица и блестящей, болезненно жёлтой кожей. Острое горло вздымалось с каждым вдохом. Северин ходил по кругу, беззвучно шевеля губами.

Продолжалось это около часа и закончилось нелепым и жутким образом. На край забора тяжело опустилась толстая бронзовка. Доктор тут же шагнул к жуку и схватил, крепко сжав двумя пальцами. Некоторое время он разглядывал его – и вдруг положил в рот и старательно разжевал. Я был в шоке.

Как рассказал мне Густав Гаспар, Северин объявился в посёлке пару лет назад. Он выдавал себя за отошедшего от дел ветеринара. Местные жители даже пробовали обращаться к нему за помощью, но это быстро прекратилось, после того как он без всякого наркоза отрезал лапу коту прямо на глазах изумлённой хозяйки. И несколько не сомневаюсь, что за закрытыми дверьми Северин занимался и другими мерзостями, которые в его представлениях назывались «наукой». Густав Гаспар как-то нашёл на пляже мёртвую игуану со следами хирургического вмешательства – не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто стоит за этим.

Северин действительно проявлял интерес к ящерицам.

Несколько раз я видел его рядом с колонией, обычно поздно вечером. После заката игуаны особенно ленивы, поймать их не составляет труда, и доктор пользовался этим. С помощью длинной удочки с нейлоновой петлей на конце он стаскивал их с камней, каждый раз он унося с собой одну или две рептилии. Страшно подумать, что ждало их в лапах чудовищного вивисектора.

Чувствуя некоторую ответственность за игуан, я пытался проследить их дальнейшую судьбу, но мне так и не удалось узнать, для чего они понадобились Северину. А после неудачного падения я и вовсе вынужден был прекратить свои детективные изыскания.

Когда боль в руке поутихла, я попытался вернуться к работе, но было ещё рано. Так что я просто гулял по пляжу, наблюдая за игуанами, собирая раковины и интересные камни – и по большому счёту изнывая от безделья. В один из таких дней, кажется в четверг, и началась история с рыбами.

В то утро меня разбудил пронзительный лай прямо под окнами. Я где-то читал, что собачий лай входит в пятёрку самых раздражающих звуков, опережая даже скрип мела по грифельной доске; в данном же случае налицо была попытка побить все рекорды. Я выглянул в окно.

Открывшаяся картина носила отпечаток нездорового гротеска. Окно моей спальни на втором этаже выходило во двор, за которым начинался огород госпожи Феликс. Разделял их невысокий кирпичный забор, увитый сухим плющом, – эта

граница и послужила сценой. Актёров было всего двое: зритель маяка Густав Гаспар и Лобо, старый пудель госпожи Феликс, но их вполне хватило, чтобы разыграть самый нелепый фарс из тех, что мне доводилось видеть.

Собака срывалась на визг. Сознаюсь, при всей моей любви к животным, Лобо не вызывал у меня симпатии: грязное, неопрятное и чертовски склочное создание, упивающееся собственной безнаказанностью. У бедняги был паралич задних лап, поэтому передвигался он на плетёной тележке с колёсами от детского велосипеда, но, надо признать, с поразительной ловкостью. Лобо обладал удивительным даром появляться в самый неподходящий момент лишь затем, чтобы вас обляять, а то и вцепиться в ногу. К сожалению, ни у кого не поднималась рука проучить подлого пса, а жалобы, обращённые к хозяйке, натыкались на стену полнейшего непонимания. Сейчас Лобо с торжествующим видом возвышался над своей добычей – ботинком Густава Гаспара.

Самого хозяина обуви я заметил не сразу. Сначала я увидел ноги, торчащие над забором подобно беспокойной букве 'V'. На ветру трепыхался полусдёрнутый с ноги полосатый носок. Присмотревшись, я сообразил что Густав свесился с забора вниз головой, в лучших традициях Белого Рыцаря. Одной рукой он опирался о землю, в другой сжимал корявый сук, которым пытался подцепить ботинок. Пёстрая гавайская рубашка сползла чуть ли не до подмышек. Лобо, прекрасно сознавая своё превосходство, держался вне дося-

гаемости от палки и явно издевался. Он то и дело переносил ботинок с места на место, но так, чтобы у Густава оставалась надежда дотянуться. Рискаю свернуть себе шею, несчастный зритель извивался, словно угорь, благо сам был длинным и тощим. Признаться, мне было непонятно, что же мешает Густаву слезть с забора и попросту отнять башмак, но, видимо, на то были свои причины.

Развязка пантомимы наступила совершенно внезапно. Густав вытянулся и исхитрился воткнуть сук между спицами. Собаки, насколько я помню, лишены мимических мышц, однако на морде у Лобо появилось выражение крайнего недоумения. Он умолк. Густав неторопливо слез с забора, поднял ботинок. Пудель попытался отползти.

Именно тогда выяснилось, что я был не единственным, свидетелем этой сцены. Не успел Густав занести руку, как в доме госпожи Феликс распахнулось окно, и в тёмном проёме возникло бледное, перекошенное от злобы лицо хозяйки. Я чужд предрассудков, но положительно уверен в том, что ведьмы существуют. И госпожа Феликс – одна из них. И дело, пожалуй, не в обширной оккультной библиотеке, составлении гороскопов и гадании на Таро. Важнее поразительное и нелепое убеждение госпожи Феликс в том, что её все ненавидят.

На зрителя обрушился такой поток брани, что Густав поспешил ретироваться. Он перемахнул через забор, что-то поднял с земли и заковылял к моему дому. Госпожа Феликс

не унималась: если бы ей хватило сил, в зрителя полетели бы тарелки и цветочные горшки или, если хотите, жабы и змеи.

Зритель, тяжело дыша, ввалился в дом. В одной руке он держал ботинок, а в другой – мятую жестянку из-под краски. По покрасневшему лицу струился пот. Густав попытался плечом стряхнуть запутавшуюся в бороде травинку.

– Вот, – сказал он. – Думал напрямик быстрее будет, да...

Он обречённо взмахнул ботинком. Посочувствовав зрителю, я предложил ему рому, но, как ни странно, тот отказался. Он был сильно взволнован, и, как выяснилось, причиной тому были отнюдь не Лобо с госпожой Феликс. Гораздо важнее оказалась его утренняя находка. По словам Густава, ничего подобного он не встречал, хотя за свою жизнь посмотрелся всяких диковинок. Он протянул мне жестянку, наполовину заполненную водой. Но предосторожность была излишней – три рыбки, что болтались на поверхности, судя по всему, давно сошли. От удивления я даже присвистнул. В отличие от зрителя, я эти создания узнал – рыбы из рода *Argyropelecus*, иначе известные как топорики, маленькие монстры, достойные кошмаров Лавкрафта. Трудно представить рыбу с более мрачной внешностью: тело, сжатое с боков так, что выпирает скелет, выпученные глаза, задумчиво устремлённые вверх, и вечно угрюмое выражение огромного рта. Я прекрасно понимаю смятение Густава – на топорика невозможно смотреть без содрогания.

Прежде я видел топориков исключительно в музее Естественной Истории – желтушные призраки, застывшие в формалине. Но обитают они на таких глубинах, что шансов оказаться выброшенными на берег у них практически нет. Находка меня крайне озадачила. И кто бы мог подумать, что эти рыбки окажутся лишь предвестниками чудовищного и таинственного нашествия?

На следующий день Густав нашёл уже больше десятка топориков, и что самое удивительное, некоторые рыбки были живыми. Жуткие уродцы бессильно бились на песке, и, по словам зрителя, их обходили стороной даже крабы. Правда, в дальнейшем я не замечал подобной щепетильности. К концу следующей недели бухта буквально кипела чайками и крабами, собравшимися, наверное, со всего побережья на жуткое пиршество, но их всё равно не хватало, чтобы справиться с неожиданным обилием глубоководных тварей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.